

НЕХАНЬСКИЕ НАРОДЫ СЕВЕРО-ВОСТОЧНОГО КИТАЯ

ИСТОРИКО-ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

Николай Владимирович КОЧЕШКОВ,
доктор исторических наук, профессор

Как известно, на обширной территории Северо-Восточного Китая помимо десятков миллионов ханьцев (собственно китайцев) проживают неханьские народы, имеющие свою историю, свои языки, своеобразный быт и культуру¹. Все они являются сородичами тунгусоязычных и монголоязычных народов Сибири и Дальнего Востока России. К большому сожалению, эти народы в силу разных причин почти не изучались китайскими этнографами². Отечественные же исследователи долгое время не имели возможности побывать или поработать на территории их проживания³. И все-таки приоритет в этнографическом исследовании народов Северо-Восточного Китая, несомненно, принадлежит российским ученым-востоковедам, профессорам Восточного института во Владивостоке А.В.Гребенщикову (1880—1941)⁴, Н.В.Кюнеру (1877—1955)⁵, А.В.Рудакову (1871—1949)⁶, П.П.Шмидту (1869—1938)⁷. Это они из своих ежегодных поездок в Маньчжурию привозили наряду с богатейшими лингвистическими материалами также этнографические наблюдения и впечатления от знакомства с жизнью и бытом маньчжуров и других неханьских народов. Определенная работа в этой области проведена и их учениками, выбравшими для себя трудную судьбу эмигрантов. Можно назвать несколько этнографических работ А.П.Хионина (1879—1971), П.В.Шкуркина (1868—1943), И.Г.Баранова (1886—1972), а также молодого тогда еще харбинца В.С.Старикова (1919—1987), заинтересовавшегося с юных лет маньчжурistikой и ставшего впоследствии известным российским этнографом-китаистом⁸.

Однако до сих пор нет сводного монографического труда о народах Северо-Восточного Китая⁹. Хотелось бы по возможности восполнить этот пробел, тем более, что автору данного очерка довелось побывать и поработать в городе Харбине, где во вновь созданном Музее национальностей провинции Хэйлунцзян и при встречах с китайскими коллегами-этнографами, филологами, историками стало возможным получить определенное представление об основных неханьских народах этой провинции — маньчжурах, монголах, даурах, эвенках-орочонах, тунгусах-солонях и хэчжэ-нанайцах.

Маньчжуры

Самый большой по численности народ Северо-Восточного Китая — маньчжуры («маньчжур нялма», а по-китайски — «ци жэнь»)¹⁰. По данным специалистов Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян, маньчжуров

насчитывалось на начало 1990 г. около 4,5 млн. Это потомки упоминаемых в древних летописях тунгусских племен: сушэнь, илоу, воцзюй, уцзи, мохэ и др. Они имели некогда великую империю, и был период, когда весь Китай находился под управлением маньчжурских императоров. Но шло время, и от величия Маньчжурской империи не осталось и следа, а сами маньчжуры в результате тесных контактов с многомиллионными китайцами почти полностью утратили и свой язык, и свою письменность, составленную еще в XVI в. на основе монгольского алфавита. Маньчжурский язык пока еще сохраняется лишь в нескольких селах провинции Хэйлунцзян, а вместе с ним и традиционные занятия — земледелие и животноводство. Кое-где в горных районах маньчжуры продолжают заниматься лесными промыслами. По сведениям китайских этнографов, в некоторых местах еще сохранились их традиционные жилища — каркасно-столбовые постройки с одним или двумя флигелями и с «канами», расположенными вдоль стен¹¹. Это гениальное изобретение древних тунгусоязычных народов. Такая лежанка-кан всегда располагается непосредственно под окнами и занимает в жилой комнате большую часть площади, вплотную примыкая к южной фасадной стене жилища, а иногда к северной. Сооружается часто из сырцового или обожженного кирпича, который кладется на глиняном растворе обычно из семи («чи син чжуань»), реже из восьми («ба син чжуань») рядов кирпича в высоту. Верхняя часть лежанки хорошо промазывается толстым слоем глины. В основании ее устраиваются четыре или пять горизонтально расположенных и параллельно идущих дымовых каналов. Дым и горячий воздух из печи сначала поступают в переднюю поперечную камеру, где оседает зола, а затем тепло распределяется по всем каналам, нагревая поверхность лежанки. Через заднюю, также поперечно расположенную золоулавливающую камеру, дым попадает в выводной канал, выходит из жилища через лежащий на земле наружный горизонтальный дымоход и вытягивается при помощи вертикальной дымовой трубы. Труба, обычно толстая у основания, несколько сужается кверху и всегда отстоит от жилища на расстоянии около 2 м.

Лежанку протапливают и летом — в прохладную или дождливую погоду. На топливо употребляют всевозможные солому и бурьян, реже хворост и тонкоколотые длинные дрова. Таким образом, стоит лишь растопить печь, как тепло экономно и разумно используется не только для обогрева жилища, но и для приготовления горячей пищи на кухне.

В настоящее время еще можно встретить типично маньчжурские селения, обнесенные глинобитными стенами, с башнями по углам. Но уже и в этих селениях слышна преимущественно китайская речь, а пища и одежда теперь ничем не отличаются от китайских.

Традиционная одежда маньчжуров-мужчин состоит из широких глухих штанов «факури», матерчатого кушака «умесун», куртки «аджиге нэй гахари» и головного убора. При выходе из дома она дополняется безрукавкой «дэхэлэ» или халатом «гахари». В прошлом всю одежду маньчжуры шили из домотканой материи, теперь — из фабричной хлопчатобумажной. Женская одежда, сходная по покрою с мужской, состоит из кофты и штанов, доходящих до щиколотки. То и другое шьют из синей бумажной ткани. Женщины старшего возраста предпочитают одежду спокойных тонов, молодые — ярких, чаще с рисунком цветочного орнамента. Праздничная одежда маньчжуров, состоящая из широкого халата и широкой кофты «курумэ», еще недавно отличалась большой красочностью и яркими вышивками¹².

Местами сохраняются еще традиционные обряды и обычаи. Очень интересен свадебный обряд. При назначении дня свадьбы в дом невесты несут подарки — живого гуся и водку. Перед свадьбой посылают от двух до восьми свиней, баранов, гусей — все в четном числе. В дом жениха невеста вступает, перешагнув через седло, лежащее на пороге, держа в руках фарфоровую банку с зерном и драгоценностями. Свадебный обряд начинают в юго-восточном углу двора перед столом с жертвенными кушаньями (задняя часть барана, две чашки с мелко нарезанной бараниной и две чашки с густой просяной похлеб-

кой). Старик, считающийся в этом селении наиболее удачливым, трижды читает молитву Небу. При этом каждый раз отрезают пластик мяса, ложкой зачерпывают похлебку, палочками берут немного нарезанного мяса и бросают на крышу дома. Затем вся еда вносится в дом, где жених и невеста трижды выпивают из чашечек немного вина, передавая их друг другу через сватей. Второй день свадьбы жена «саргань» должна проводить в полном молчании. На третий день к ней приходят все родственники, умывают, одевают, причесывают. Рано утром посреди двора ставят стол с курениями Небу и Земле, а в юго-восточном углу двора — стол с курениями маньчжурским предкам. Молодая выходит со связкой дров из девяти поленьев, кладет их на священный очаг, перед которым обычно поклоняются духу Огня и выполняют обряд приготовления пищи. Потом молодожены совершают по три коленапоклонения и по девять земных поклонов перед столами с жертвенными курениями и перед семейным алтарем¹³.

Традиционный похоронный обряд маньчжуров заключается в следующем. Умершему связывают ноги пеньковой веревкой, хоронят в «счастливый» день, указанный шаманом. Деревянный расписной гроб, очень высокий, с двускатной наклонной крышкой, по форме отличается от китайского. Родственники оплакивают покойника и соблюдают траур. Если умерший принадлежал к старшему поколению, то траурную одежду не надевают, за исключением случая самоубийства невестки вследствие грубого отношения со стороны родителей мужа. Траурная одежда «эхэнгэ этуку» белая, с неподрубленными полами. Поминки бывают на седьмой день, четырнадцатый, тридцатый и в годовщину смерти. Могильная насыпь «эйфу» обычно круглая в плане. Иногда у могилы ставят памятники в виде стелы из камня¹⁴.

Для изобразительного искусства маньчжуров характерна графичность и четкость рисунка в виде растительного орнамента и многокрасочность. Рисунок встречается на одежде и обуви, преимущественно женской, а также на костюме и атрибутах шамана. Декоративное искусство маньчжуров в целом очень близко к общетунгусскому, при этом в нем заметно и сильное китайское влияние (орнаментика в виде цветов и листьев). В жилище чаще всего орнаментируют доски крыши, решетки оконных рам, ворота и калитки. Они заботливо украшаются прорезным орнаментом, а концы и края досок — скульптурной резьбой. Женщины работают преимущественно в мягких материалах — в шелке, сукне, мехе, коже, украшая свои изделия аппликацией и вышивкой¹⁵.

Устное народное творчество маньчжуров изучено пока еще слабо. Песни этого народа в 1889—1890 гг. собирал А.О.Ивановский, а в 1908—1909 гг. — проф. А.В.Гребенщиков, нашедший шаманские рукописи «Нишань самани битхэ». В 1915 г. С.М. Широкогоров со слов старой сказительницы записал замечательное эпическое сказание «Тепталинь», названное им же «Маньчжурской Одиссеей». Однако самобытный фольклор почти не развился в свою национальную литературу при наличии мощной струи китайской литературы, полностью захлестнувшей маньчжурскую фольклорную традицию.

Как известно, все маньчжурские школы после революции 1911 г. были закрыты, но после образования КНР маньчжурский язык изучался вплоть до «великой культурной революции» во всех национальных начальных и средних школах. Но уже и тогда обучение в этих школах велось преимущественно на китайском языке (маньчжурский язык считался «вторым» языком).

Большинство маньчжуров сумели сохранить до сих пор свои традиционные религиозные верования — шаманизм и культ предков. Для маньчжурского шаманизма характерно наличие домашнего алтаря в жилой комнате. Из всех народов Дальнего Востока только маньчжуры имеют свою собственную литературу по шаманизму (устав шаманского служения «Вэчэрэ мэтэрэ кооли битхэ», рассказ шамана о похождениях во время камлания «Саман куварани битхэ» и др.). Шаман, по понятиям маньчжуров, является главным посредником между духами и людьми. Он избранник духов, умеющий обращаться с ними. Шаман лечит больных, оказывает помощь в делах, предсказывает буду-

щее, участвует в похоронах и проходах души покойного, дает имя новорожденному. При маньчжурской династии шаманизм был официальной религией, и в Пекине имелся большой шаманский храм. В жизни крестьян он и сейчас играет значительную роль¹⁶.

Древние культурные традиции маньчжуров охотно воспринимаются китайцами. Так, уже с давних времен маньчжуры применяли такие замечательные лекарственные средства, как женьшень («орхода») и панты (неокостеневшие рога изюбра и пятнистого оленя), которые затем прочно вошли в фармакопею Китая и прославились на весь мир¹⁷.

Маньчжурский народ прославился и своими учеными. Наиболее известны этнографическими работами Линь Цин, автор шеститомного иллюстрированного труда, и Дунь Личжэнь, выпустивший на китайском языке капитальную этнографическую монографию «Яньцзинсуйшици» («Записки о пекинских праздниках за год»). Крупнейшим ученым КНР являлся известный языковед проф. Ло Чанпэй, до «культурной революции» даже возглавлявший Институт языковедения АН КНР и стоявший во главе редакции журнала «Чжунго юйвэнь» («Китайский язык»), В институтах Академии общественных наук в Харбине в числе научных сотрудников есть несколько специалистов, ведущих исследования в области маньчжурского языка, археологии и этнографии этого народа. И несмотря на ассимиляцию китайцами, маньчжуры в настоящее время пытаются возродить свою национальную культуру; в среде молодежи заметно стремление к повышению этнического самосознания.

Монголы

Вторая по численности неханьская народность Северо-Восточного Китая — монголы — насчитывает свыше 3 млн. чел. (оценка, 1994 г.)¹⁸. Однако в отличие от жителей Монголии, ставших отчетливо сложившейся нацией, монголы КНР не представляют собой консолидированного этноса и в настоящее время подразделяются на несколько этнографических групп: хорчинов, узумчинов, джарутов, бааринов, бурят, хэшигтэнов, хучитов, торгутов, олёттов, оннютов, харачинов, барга и др. Расселены в Автономном районе Внутренняя Монголия и частично в провинциях Хэйлуцзян, Гирин (Цзилинь), Ляонин, Цинхай. Говорят на разных диалектах монгольского языка; многие до сих пор сохраняют свои самоназвания¹⁹.

Влияние китайской культуры на монголыязычные народы велико, тем не менее они сумели сохранить и свою старомонгольскую письменность, заимствованную еще в XVIII в. у уйгуров, и свою материальную и духовную культуру. Как и прежде, они продолжают заниматься кочевым и полукочевым степным скотоводством, жить в разборных переносных юртах — «гэр», деревянный решетчатый остов которых покрыт войлочными кошмами, петь свои национальные песни, исповедовать свою религию — ламаизм (северная разновидность буддизма). И на равнинах Барги, и в пустынях Гоби монголы и сегодня круглый год пасут своих овец и коз, лошадей и верблюдов, держат крупный рогатый скот. Появились у них и свои города, в которых при помощи государства развивается легкая и пищевая индустрия, открываются монгольские университеты и институты.

Однако монголы, занимающиеся оседлым сельским хозяйством, живут в таких же условиях, как и китайские крестьяне северных провинций. Жилищем им служат фанзы — прямоугольные строения, у которых северный и южный фасады длиннее, чем восточный и западный. Внутреннее устройство жилищ как в китайских фанзах: те же «каны», окна, оклеенные промасленной бумагой, вокруг дома небольшой двор, окруженный невысокой глиняной стеной, в котором размещаются скот и орудия сельскохозяйственного производства.

Большой историко-этнографический интерес представляют разновидности современной монгольской юрты и юртообразные мазанки Северо-Восточного Китая. Переняв от маньчжуров и китайцев «кан», монголы создали новый тип юрты с обогреваемым полом. При этом в полной неприкосновенности сохраняются все традиционные черты юрты и ее интерьер (в том числе и очаг в центре).

Однако заимствованный обогреваемый пол в юрте дает теперь дополнительный и равномерно сохраняющийся в течение суток и более запас тепла²⁰.

Прямоугольная топочная яма устраивается монголами рядом с юртой, слева от входа в нее, обращенного по традиции на юг. Идущий под пол юрты подземный дымовой канал далее раздваивается. Сверху он закрывается каменными плитами и промазывается глиной на всем своем протяжении. Затем обе части дымового канала соединяются у северо-восточной части стенки юрты, чтобы выйти под землей за пределами юрты к основанию круглой глинобитной трубы, обычно не превышающей высоту жилища.

Второй вариант усовершенствованной юрты с обогреваемой лежанкой представляет собой мазанку круглого плана с выходом в четырехугольную безоконную пристройку, примыкающую к восточной стороне мазанки. В юртообразной части постройки лежанка занимает почти всю ее западную половину. Выводная дымовая труба вплотную примыкает к наружной стороне стенки мазанки в ее юго-западной части. Обогреваемая лежанка с низкой печью, со вмazanным в нее чугунным котлом в пристройке размещена в ее юго-западном углу²¹.

Любопытно, что одежда монголов, перешедших к оседлому образу жизни, представляет сочетание маньчжурских и монгольских элементов. В кочевых районах сохраняется традиционная национальная одежда, состоящая из халата, застегивающегося на правой стороне. Высокий воротник и правая пола до пояса обшиваются каймой из цветной материи. Халат шьется всегда очень длинным и подпоясывается широким цветным кушаком длиной до 7—8 м. К кушаку сзади прикрепляют на шнурках или цепочках огниво и ножны, в которых находятся нож и две костяные палочки для еды. За поясом прячут кисет с табаком. Обувью служат сапоги «гутал» с тупым носком, подошва состоит из слоев простеганного войлока, подшитого кожей. В зимнее время у монголов широко распространены шапки с остроконечным верхом и пышным меховым околышем, который сзади завязывается тесемками, в случае сильного мороза им можно закрыть уши. Широко бытуют и заимствованные у маньчжуров меховые наушники оригинальной формы, вышитые снаружи узорами по ткани. От маньчжуров монголы заимствовали также кафтан тунгусского типа, женский меховой нагрудник, детскую колыбель.

Самые распространенные праздники монголов Северо-Восточного Китая — религиозные ламаистские «майдари» и «цам». Майдари — это буддийский мес-сия, который должен явиться для спасения погрязшего в грехах человечества. В его честь ежегодно устраиваются пышные торжества, во время которых изображение майдари на особой колеснице в сопровождении лам (монахов) и верующих везут вокруг монастыря. После религиозной части праздника начинался «наадам» («три игрища мужей») с национальной стрельбой из лука и состязаний в скачках на лошадях.

В празднике «цам» основную часть составляют пляски-мистерии лам в танцевальных масках, изображающих, как правило, страшных чудовищ (морда дракона с тремя глазами и острыми клыками, маска злого духа с пятью черепами на лбу, олицетворяющими пять смертных грехов и т.п.)²².

У всех монголоязычных народов Китая широко празднуется в зимнее время «цаган сар» («белый месяц»), приуроченный к началу первого весеннего лунного месяца, который в разные годы падает на разные даты от конца января до начала февраля. Монголы считают «цаган сар» началом Нового года. Прежде со дня наступления «цаган сара» все население вело счет своим годам, невзирая на то, когда родился человек. Во время праздника, длящегося три дня, принято поздравлять друг друга, говорить (петь) благопожелания, делать подарки, обмениваться обильными угощениями. Считается, что хорошая встреча «цаган сара» способствует изобилию пищи и приплода скота в наступающем году²³.

В середине XX в. у монголов Северо-Восточного Китая появилась своя народная интеллигенция — учителя, врачи, писатели, музыканты, художники, ученые. Гордостью всей страны стали монгольские писатели Манчинху, Буринбих, художник Унэн, композиторы Девших, Буяндэлгэр, артисты Цзиентайрх, Буанбат, Лазав, народные певцы-сказители («хурчи») Монхин, Паджай,

Сераш и многие другие. Продолжает развиваться народное декоративное искусство — аппликации и вышивка по коже, войлоку, ткани, резьба и роспись по дереву, художественная обработка металла. Здесь сильно влияние орнамента маньчжуров и китайцев (с преобладанием символических знаков и стилизованных изображений цветов, листьев, бабочек, птиц, драконов)²⁴.

Дауры (дахуры)

В провинции Хэйлунцзян в настоящее время живет около 100 тыс. дауров (в уездах Фуэй, Нуньцзян, Нэйхэ, Айхунь). Даурский язык, входящий в монгольскую группу алтайской семьи языков, очень своеобразен и сохранил многие архаические черты монгольских диалектов XIII—XIV вв., известных по памятникам того времени. В исторической лексике дауров имеется немало тунгусо-маньчжурских слов. В прошлом дауры не имели собственной письменности, различные записи вели маньчжурским алфавитом. В 1920 г. хайларский князь Мэрсэ создал даурский алфавит на основе латинского, который не получил распространения, хотя им и начала пользоваться часть молодежи. С 1957 г. дауры перешли на алфавит, созданный на основе русской графики²⁵.

Некогда дауры жили восточнее озера Байкал, потому район Забайкалья и верховья рек Шилки и Аргуни и теперь еще старожилы называют Даурией. До XVII в. обитали на Амуре, а с 1654 г. их стали расселять в глубь Маньчжурии, и они нашли свою новую родину в среднем течении реки Нуньцзян (Нонни) и в Барге. В этом месте вырос крупный город Цицикар, что по-даурски означает «естественное пастбище». Сейчас здесь свыше 16 тыс. дауров, большинство же их проживает в двух крупных национальных селах Вонюту и Мангэту²⁶.

В традиционной культуре дауров сохранилось немало как монгольских, так и тунгусских черт. Дауры прекрасно знают не только скотоводство, но и рыболовство, и охоту, а от китайцев они переняли культуру пашенного земледелия, в частности овощеводство. И хотя даурские национальные села находятся «в глубинке», почти в каждом их жилище можно увидеть телевизоры, магнитофоны, современную мебель. Многие даурские семьи имеют собственные тракторы и мотоциклы.

В отличие от других монголоязычных народов дауры занимаются рыболовством. Орудия рыбной ловли разнообразны: леса с крючками и различные плетеные ловушки — для мелкой рыбы, а сети и остроги — для более крупной. Зимой дауры увлекаются подледным ловом рыбы. Из ремесел развиты кузнечество, обработка дерева, металла, кож, изготовление замши. Это все традиционные занятия дауров. От тунгусов они научились плести корзины из ивняка и изготавливать берестяные изделия (туесы, короба, футляры и пр.). Орнамент дауров воспринял, наряду с китайскими, много тунгусских мотивов.

Даурские селения «аил», состоящие из 10—50 домов с населением до 350—400 чел., расположены обычно у реки. Планировка их линейная, главной «улицей» обычно служит проходящая через селение дорога. Усадьба, окруженная оградой, делится плетнем на две части — хозяйственный двор и огород. На хозяйственном дворе также амбары и загоны для скота. Даурский дом («гэр») — одноэтажный, каркасно-столбовой, похож на маньчжурскую или китайскую фанзу, с двускатной соломенной крышей. Внутри две, реже три комнаты, вход в дом — через кухню. В жилых комнатах устроены «каны», на которых спит вся семья. Детская колыбель у дауров — тунгусского типа (состоит из двух деревянных коробок, соединенных под углом 160°). Дауры носят одежду одновременно и монгольского, и маньчжурского покроя.

Большинство дауров — шаманисты, и лишь небольшая часть — ламаисты. Шаманами могут быть мужчины и женщины, но родовой шаман «манна мохон» только один. Наряд даурского шамана очень похож на маньчжурский.

Ученые Китая с удивлением отмечают, что, несмотря на сильное воздействие на дауров китайской культуры, они бережно сохранили шаманизм как свою традиционную религию.

К сожалению, эта народность практически никем еще не изучалась в системе, и в этом плане так важны совместные российско-китайские экспедиции этнографов и филологов в местах расселения дауров.

Эвенки — ороконы

В горах Ильхури-Алинь, Большой Хинган, в уездах Тахэ, Хума, Суньхэ, Цзяинь и в г. Хэйхэ (напротив г. Благовещенска) живут эвенки-орочоны («орочон») — самоназвание, означающее «оленовод»²⁷. Почти все они оленоводы, лишь небольшая часть считается лошадными, называя себя «мурчен» («коневод») или живет в городе. По китайским данным, ороконов насчитывается свыше 3 тыс. чел²⁸. Это — отважный, выносливый, простой и мудрый кочевой народ, основные средства существования которому почти полностью дают олениводство и охота на диких зверей. Материальная культура имеет свои этнические традиции и особенности, о которых следует сказать подробнее.

Олениководы-орочоны могли кочевать только в горной части Приамурья, так как географические условия долины Амура непригодны для олениводства. Животные, вытаптывая моховые пастбища, переходили дальше по отрогам Хингана, Яблонового и Станового хребтов на новые пастбища, за ними должны были идти и их хозяева. Таким образом, расположение горных цепей определило направление расселения оленных групп тунгусов-орочонов. Так значительная группа олениководов оказалась на территории Северо-Восточного Китая²⁹.

Основной пищей для ороконов служит мясо диких зверей — косуль, кабанов, диких собак, а также оленина. Они издавна привыкли питаться исключительно мясом. И лишь жители уездов Суньхэ и Цзяинь постепенно перешли на мясо-растительную пищу. Как и сибирские эвенки, ороконы употребляют в пищу мясо в разном виде — вареное, жареное, печеное, сушеное. Очень любят также сырое, предварительно замороженное мясо — печень и почки оленья, косули, дикой собаки, едят его с солью.

Пожилые ороконы весь год носят одежду, сшитую из шкур косули. Зимние шубы-кафтаны украшают большими отворотами и каймой, а рукава отделывают ровдугой (тонко выделанной оленьей кожей) и вышивкой. Особенно богато бывает расшита пестрыми узорами верхняя женская одежда — кафтан, нагрудник, натазник, ноговицы. Эти части костюма имеют большое количество украшений — бахрому, конский волос, обшивки из длинного козьего и собачьего меха, бисерные вышивки. Очень красив головной убор ороконов, сделанный из шкуры головы косули вместе с рожками. Из шкур косули изготавливают также унты, кисеты для табака, заплечные мешки. Что же касается молодежи, то она только на охоту надевает национальное платье, а в быту давно уже перешла на одежду из покупных китайских тканей³⁰.

Молодые семьи охотно переходят жить в современные дома из кирпича с черепичным покрытием. Однако большинство ороконов все же предпочитает жить в «жилищах небожителей» — в чумах, сооружаемых из дерева, древесной коры и звериных шкур, в каждом таком чуме размещается человек пять-шесть. В трех сторонах квадратного в плане ороконского чума обычно стоят сколоченные из досок кровати, покрытые шкурами косули, а с южной стороны всегда располагается дверь. Посередине — очаг, а над ним — небольшой металлический котел, в котором готовят мясные блюда. В потолке — отверстие, через которое выходит дым. В зажиточных семьях чум снаружи отделан шкурами зверей или матерчатыми украшениями-аппликациями, остальные украшают свои жилища орнаментом, вырезанным из бересты. Некоторые ороконы живут в срубных домах-избах русского типа³¹.

Основные средства передвижения — лошади и олени. Ороконам удалось вывести новую породу оленя «милу», рога у которого олени, копыта быка, уши лошади, тело осла. Такого «оленья» не надо кормить: когда в нем нет нужды, его можно пустить в горы или в лес, где он сам находит себе пищу. Для того, чтобы позвать его обратно, стоит лишь ударить в медный таз. Услышав эти звуки, «милу» сам возвращается к хозяину. Ороконы, живущие по

берегам горных речушек, пользуются берестяными лодками и слывут неплохими рыбаками. Зимой они ходят на лыжах-голицах или подбитых мехом³².

Раньше ороконы охотились с луками и стрелами, с XIX в. перешли к огнестрельному оружию. Они издавна славятся меткостью стрельбы. Охота, особенно пушная, имела товарное значение. Охота на парнокопытных животных (косуля, изюбрь, лось, кабан) играла более важную роль по сравнению с пушным промыслом и рыболовством, распространенным лишь в низовьях рек. Особое значение в охотничьем промысле имела охота на косулю. В тех местах, где не было косули, не жили и ороконы³³.

У этой народности всегда было развито народное декоративное искусство, сохраняющее до сих пор традиционную тунгусскую орнаментуку. В женском искусстве значительное развитие получила вышивка шелком и подшейным волосом лося или оленя, аппликация из ровдуги или из бересты, искусная отделка берестяных изделий тиснением, резьбой, многоцветной росписью. Мужчины слывут мастерамиковки металла, резьбы по дереву и по кости, изготовления удивительно красивых детских колыбелей, а также шаманских бубнов и колотушек к ним.

Чрезвычайно богат ороконский фольклор, имеющий разные жанры — предания, сказки, песни, загадки, пословицы и поговорки, отражающие жизнь в тайге, охоту, межродовые отношения.

Религиозные верования ороконов заключаются в одухотворении всех явлений природы. Большую роль в их жизни играет шаманизм. Шаманят и мужчины («саман»), и женщины-шаманки («удаю»).

В настоящее время в ороконских районах имеются сельские школы (преподавание ведется на китайском языке), детские сады, радиоузлы, дома культуры, библиотеки, фельдшерские пункты, магазины. В 1989 г. на две деревни Синье и Синьшэн приходилось 10 специалистов с высшим и средним специальным образованием³⁴. Это — первая ороконская интеллигенция.

Эвенки

Китайские этнографы выделяют из общего числа тунгусоязычных народов Северо-Восточного Китая 19343 чел. — отдельный этнос — эвенков, которые, на наш взгляд, являются теми же самыми ороконами, рассмотренными выше. На северо-востоке провинции Хэйлунцзян властями выделен даже Эвенкийский автономный хошун с центром в г. Наньтунь. В конце 1957 г. в КНР с согласия и по желанию этой группы населения было официально закреплено название «эвенки». Они представляют собою конгломерат тунгусоязычных этнографических групп, куда входят и ороконы, и манегры, и бирары, и даже часть монголоязычных солонов. Это в основном переселенцы с левого берега Амура, из Забайкалья и даже из Якутии.

Основные занятия — оленеводство, земледелие, охота. Издавна развито кузнечное ремесло. В отличие от ороконов эвенки живут теперь небольшими деревнями в домах китайского типа, а местами и в домах срубных, заимствованных у русских.

Обучение в школе ведется на китайском языке. Часть старшего поколения знает маньчжурский язык и письменность, многие прекрасно владеют разговорным русским и китайским языками.

Значительное развитие получило народное декоративное искусство — вышивка шелком и подшейным белым волосом лося или оленя, аппликация, отделка разнообразных берестяных изделий тиснением, резьбой и росписью. Орнаментика сохраняется общетунгусская, однако среди манегров распространен спиральный орнамент, а на одежде и утвари оленных эвенков сохраняется строго геометрический орнамент. Среди эвенков развит шаманизм и культ духов-«хозяев» природы. Их традиционная материальная и духовная культура начала изучаться самими эвенками — научными работниками Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян и Харбинского краеведческого музея.

Солоны

В верхней части бассейна реки Нонни, по ее левым притокам, по правобережью Амура, по Большому Хингану до реки Халхин-Гол живут тунгусы-солоны («солон» по-монгольски значит «стрелок»). Действительно, почти все солоны, и мужчины, и женщины, отличные стрелки, метко бьющие зверя и птицу из луков и огнестрельного оружия. Всего солонов насчитывается чуть больше 2 тыс. чел. (по оценке Академии общественных наук провинции Хэйлунцзян)³⁵. К концу XIX в. солонками назывались группы тунгусов (эвенков), расселенные в Хэйлунцзяне и в Барге (северо-восточная часть Внутренней Монголии). Известный русский синолог о. Палладий предполагал, что солоны были потомками урянхов, которые во время правления монгольской династии составляли остатки киданей и находились под управлением монгольских воевод³⁶.

Часть солонов говорит на языке, похожем на эвенкийский, но для большинства родным языком является монгольский. Солоны преимущественно скотоводы и охотники, и только живущие в бассейне реки Нонни начали успешно заниматься земледелием и рыболовством. К сожалению, культура солонов совершенно не исследована, и для этнографа здесь — обширное поле деятельности³⁷.

Хэчжэ — нанайцы

Дальневосточная народность нанайцы, широко расселившаяся в российском Приамурье и Приморье, имеет около 3 тыс. своих сородичей в провинции Хэйлунцзян, в нижней части междуречья Сунгари-Уссури, а также в бассейне реки Нонни³⁸. В этнографической литературе они известны как «хэчжэ» («нижние люди»), то есть живущие в низовьях Сунгари и к югу от «верхних людей» — нанайцев Дальнего Востока России. В условиях девственной тайги, в таежных уездах Тунцзян, Ваньюань, Жаохэ нанайцы-хэчжэ продолжают заниматься традиционными видами хозяйства — рыболовством, охотой, собирательством. В конце XVIII — начале XIX в. хэчжэ занимали почти все нижнее течение Сунгари и левый берег Уссури. Эти районы и их население были известны маньчжурам под названием «хэчжэ фяка». Еще в начале XX в. центром их поселения был уезд Фуцзинь, где находилось село Гардан, куда хэчжэ собирались на ярмарки для реализации охотничьей добычи и закупки необходимых вещей, продуктов, водки и опиума³⁹.

Хэчжэ говорят на диалекте гольдского (нанайского) языка, с говорами сунгарийским, уссурийским и правобережным амурским. В языке хэчжэ очень много общего с маньчжурским и эвенкийским. Часть старшего поколения хорошо знает маньчжурский язык и письменность и немного русский. Большинство теперь свободно владеет китайским разговорным языком, на котором ведется преподавание в школе.

Сохранив родовое деление, хэчжэ, живущие в низовьях Сунгари, делятся на 7 экзогамных родов («хала»): Ахтанко, Белдакир, Килэн, Маринкан, Удинкэн, Футфар, Юкэмсэл⁴⁰.

В настоящее время эта народность живет в наземных, сходных с домами маньчжурского типа каркасно-столбовых жилищах «джо», или углубленных землянках и полужемлянках, которые строятся на местах, не заливаемых в половодье. Стены таких жилищ сооружаются из тонких жердей или прутьев, забранных в пазы вертикальных столбов; с обеих сторон стены обмазываются глиной. Двускатная крыша, конек которой поддерживается двумя столбами посередине боковых стен, покрывается травой по глиняной обмазке и укрепляется шестами. Размер такого жилища 6х4,5 кв.м, фасад обращен на юг. Амбары строят на сваях. Спят на отопляемых лежанках «наха», расположенных вдоль стен п-образно. Глава семьи помещается на южной «аха» Западная лежанка предназначается для гостей и церемоний и считается почетной. Летники хэчжэ — полусферические шалаши с остовом из ивовых прутьев, покрытые берестой и обвязанные веревками. В центре летника имеется открытый очаг, вход закрывается камышовой циновкой⁴¹.

Такие вещи, как «гуйсэ» (сундуки для одежды), коробки с крышками для хранения мелких вещей, туески для сухих продуктов, различные чашки, делают

из бересты, покрывая ее многоцветным орнаментом. Этот орнамент своим рисунком очень похож на орнаментику амурских нанайцев и среднеамурских эвенков.

Летом хэчжэ занимаются рыболовством и огородничеством, а также заимствованным у корейцев рисосеянием, зимой — охотой. Земледельческие орудия такие же, как у китайцев, как и соседи, они разводят крупный рогатый скот, лошадей, свиней, собак, кур, уток.

Средства передвижения — телеги русского образца, запрягаемые быками. Зимой ездят на санях «фара». Охотники ходят на лыжах двух типов, изготовляемых из березы: на малых лыжах-голицах, гладких снизу, и на широких лыжах, подклеиваемых снизу камусами (шкурками с оленьих ног). Летом пользуются небольшими лодками, выдалбливаемыми из целого бревна или сколоченными из трех досок. Лодки «тэмтэкэ» приводят в движение одним двухлопастным веслом или двумя небольшими лопатообразными веслами. В ветреную погоду при плавании по Сунгари они пользуются парусом⁴².

В середине XIX — начале XX в. хэчжэ носили традиционную одежду «тэрглэ» из выделанной рыбьей кожи. В настоящее время секрет обработки рыбьей кожи, по-видимому, забыт, и в последнее десятилетия хэчжэ носят только одежду, сшитую из покупных хлопчатобумажных китайских тканей. Только праздничные женские наряды шьются из шелка и украшаются в основном по спинке вышивками ярких цветов. Особенно красив костюм невесты традиционного покроя и богато орнаментированный национальными узорами в виде «амурской» спирали.

Основа питания этой народности — рыба (главным образом кета) с добавлением овощей и различных дикорастущих растений. Религиозные верования шаманизм со сложной системой анимистических представлений и культ духов-хозяев. В этом нашло отражение влияние маньчжурских и китайских обрядов. Ежегодно рыболовы отмечают три праздника: весной во время ледохода, летом и в начале зимы, при ледоставе⁴³.

У хэчжэ высокоразвитое искусство. Народное декоративное творчество подразделяется на мужское (художественное ремесло, связанное с обработкой металла, дерева, кости и других твердых материалов) и женское (домашнее производство, связанное с вышивкой и аппликацией на мягких материалах, с тиснением и резьбой по бересте). Музыкальное искусство с широким использованием однострунного смычкового инструмента, варгана, флейты, бубна роднит его с творчеством народов Нижнего Амура и Сахалина. Фольклор включает в себя исторические предания «тэлунгу», сказки, пословицы, поговорки.

Китайские провинциальные власти решили не создавать хэчжэ и другим некитайским народностям своей письменности. Но это вовсе не означает, что они брошены на произвол судьбы. К ним постоянно приезжают автолавки и передвижные медицинские пункты, для них создаются своеобразные культбазы и фактории, где они могут получить в обмен на рыбу и пушнину различные товары. Все хэчжэ могут рассчитывать на бесплатную квалифицированную медицинскую и агрономическую помощь и начальное образование на китайском языке. Ежегодно Академия общественных наук провинции Хэйлунцзян организует этнографо-филологические экспедиции в места проживания хэчжэ, а в недавно созданном Харбинском музее национальностей хранится немало экспонатов, характеризующих культуру, быт, искусство всех некитайских народностей региона.

Корейцы

В настоящее время в Северо-Восточном Китае проживает около 450 тыс. корейцев, значительное их число расселено в провинциях Цзилинь (Гирин), Хэйлунцзян и Ляонин. А в общей сложности в КНР, по данным переписи 1953 г., проживали 1 млн. 120 тыс. корейцев.

Первые небольшие их поселения в Маньчжурии появились в XVII в., а широким потоком они стали прибывать сюда с середины XIX в. Это были беднейшие крестьяне, бежавшие из северных провинций Кореи от непосильных налогов и притеснений. Особенно много корейских семей переходило на китайскую

территорию во время страшного голода 1869 г. в Корее. И никакие репрессии со стороны цинского правительства не могли остановить этот поток.

Новая волна переселения на территорию Маньчжурии была связана с периодом японской агрессии в Корее, с установлением в 1905 г. японского протектората. Корейские переселенцы проявили себя в трудные для Китая годы борьбы с японскими агрессорами (особенно после оккупации Маньчжурии в 1931 г. и с самого начала борьбы за свободу Китая в 1937 г.) как самые активные участники антияпонской борьбы. Они почувствовали, что Маньчжурия — это их новая родина, а китайцы — верные и благодарные друзья.

Уже в конце 1945 г. была создана Корейская демократическая лига, в которой корейцы получили равные с китайцами права. В сентябре 1952 г. был создан Корейский автономный район в Яньбяне, преобразованный в 1955 г. в Яньбяньский корейский автономный округ «чжоу», который включил в себя 5 уездов, с центром в городе Яньци⁴⁴.

За годы тесного общения с китайцами многие корейцы ассимилировались, или же утратили многочисленные элементы своей национальной культуры.

Но главное традиционное занятие корейцев — пашенное земледелие с основной культурой — рисом — сохранилось и на территории Китая. В горных районах новых поселений они стали сеять кукурузу, чумизу, сорго, бобовые культуры. Важнейшие технические культуры — хлопок, конопля, табак, кунжут также остались приоритетными для корейских крестьян. Животноводство же стало подсобным занятием.

Для современной культуры корейцев, живущих в Китае, характерно сочетание древних национальных традиций с новыми, прежде всего, китайскими элементами. Традиционные элементы стойко сохраняются в жилище, пище, в народных праздниках и обрядах.

Корейская деревня на равнине часто имеет линейную планировку и насчитывает по несколько сотен домов, в горных районах — по 5-6 домов. Жилой дом ставится в глубине усадьбы, огороженной забором. Наиболее типичное жилище — каркасно-столбовой дом «чип», обмазанный глиной и поставленный на земляную площадку высотой около полуметра. Обычно корейский сельский дом состоит из нескольких комнат, каждая из которых имеет наружную дверь, выходящую на галерею «покто». Характерная система отопления жилища — «ондоль» (дымоход кухонного очага прокладывается под полом; на теплом полу спят). Комната с «ондолом» полностью соответствует образу жизни корейцев. В ней нет ни стульев, ни кроватей. Люди сидят на полу, а спят на циновках, которые днем складываются и убираются. Меблировка такой комнаты состоит, в основном, из лаковых сундучков и полочек, подставок для чтения книг и из складных ширм. Кроме того, в традиционном корейском доме имеются комнаты с деревянными полами и называются «мару». Как правило, одна сторона «мару» почти не имеет стены и выходит прямо во двор, однако в более зажиточных семьях эта комната отгорожена раздвижной стеклянной дверью.

Традиционная мужская одежда — запашная куртка и белые штаны, которые заправлялись в белые матерчатые носки «посон». Женская одежда включала в себя короткую кофту «чогори» с узкими длинными рукавами, широкие штаны и широкую юбку «чхима», подвязываемую на груди широким кушаком. В настоящее время национальную одежду корейцы, проживающие в Китае, надевают только во время праздников, а в обычные дни носят такую же одежду, как и китайцы⁴⁵.

Сильным оказалось китайское влияние и на пищу корейцев. Однако в их традиционной кухне основными остаются блюда из злаков и овощей с использованием острых приправ. Наиболее типичное меню корейцев — рисовая каша, приготовленная вместе с другими крупами или бобами, и суп. К этому подаются различные блюда-гарниры из мяса, птицы, рыбы, овощей, кореньев, бобов, яиц и других продуктов. Количество гарниров в зависимости от достатка семьи может быть от одного-двух до десяти и более. Однако неизменным является «кичхи» (маринад, приготовленный из капусты, редьки или огурцов). Овощи сперва солят, затем заправляют чесноком, зеленым луком, красным пер-

цем, имбирем, иногда слегка сдабривают соленой или сырой рыбой или моллюсками. Корейцы издавна очень любят различные соусы из квашеных бобов (например, соевый соус или густой соус из сои и красного перца). Соусы подают к супам, похлебкам и другим блюдам. Овощи употребляют в сыром виде, либо отварными, заправляя их различными специями. Рыбу обычно жарят целиком, либо отваривают, выдерживают в маринаде из соевого соуса, рисового вина и специй или едят в сыром виде с острым соусом. Любая пища готовится преимущественно на растительном масле. Распространены палочки для еды, а для жидкой пищи — плоские ложки. Из спиртных напитков известна рисовая водка собственного приготовления, которую пьют подогретой⁴⁶.

В кругу корейской семьи старший сын всегда являлся, как отец, господином своей матери. Младшие братья никогда не произносили его имени и обращались к нему со словами «мой высокочтимый старший брат» даже во время игры. В возрасте 10—12 лет совершалась уже церемония совершеннолетия, после которой к мальчику начинали относиться, как к взрослому человеку⁴⁷. В настоящее время по общекитайским законам не допускается иметь в семье много детей, поэтому желанным стал любой первенец — и мальчик, и девочка. Девушки, выйдя замуж, теряют свое детское имя, женившемуся юноше присваивается «законное» имя — то, под которым его регистрируют в официальных документах Китая.

Основные корейские праздники ныне проводятся в полном соответствии с общекитайскими, но остается немало народных обрядовых праздников, связанных с крестьянским трудом. Так, в начале полевых работ, когда мужчины приступают к посеву раннего ячменя, женщины и девушки уходят на целый день в горы и там с песнями собирают молодые побеги трав, которые идут на приготовление ритуальных блюд. Окончание трудоемкой работы — прополки полей — сопровождается «Хомисси» («Праздником мотыги»). Все крестьяне выходят в поле, сообща собирают наиболее зрелые колосья и из них готовят праздничные блюда и водку. Затем на краю поля под барабанный бой танцуют и поют. Во время «Праздника урожая» крестьяне посещают могилы предков, приводят их в порядок. Здесь же расставляют принесенные с собою национальные блюда, среди которых обязательен отбивной хлеб из клейкой чумизы, проса или риса⁴⁸.

Корейские национальные обряды, обычаи, праздники — интереснейшая страница духовной жизни этого народа. Лучшие из этих традиций живут всюду — на Севере и Юге Кореи, и в селениях Яньбянь-Корейского автономного округа, расположенного у подножия горного хребта Чанбайшань на берегу реки Тумыньцзян и отличающегося богатством растительного и животного мира, и даже в национальных селах южной части Ляодунского полуострова⁴⁹. Эти традиции отражают нравственное здоровье корейцев, искренне и преданно любящих свою семью, своих близких, заботящихся о стариках, берегущих светлую память о далеких предках.

Таким образом, все неханьские национальности в Северо-Восточном Китае проживают как компактно, так и разбросанно и в сельских районах, и в больших городах. Места их расселения богаты природными ресурсами, что позволяет развивать сельское хозяйство, подсобные промыслы, лесное и рыбное хозяйство, обрабатывающую промышленность. Как мы уже видели из приведенного выше материала, неханьские народности имеют каждая свою историю, свою культуру и специализируются в определенных отраслях хозяйства. Так, основное занятие монголов и дауров — кочевое или полукочевое скотоводство, хэчжэ — рыболовство, корейцы издавна занимаются выращиванием овощей и поливным рисоводством, маньчжуры — исконные пашенные земледельцы и ремесленники, эвенки и ороконы — таежные оленеводы.

Позитивные изменения с начала 80-х годов в политике КНР в области национальных отношений, осуществление экономических реформ в городе и на селе, демократизация общественной жизни — все это положительно сказалось и на жизни неханьских народов⁵⁰.

- ¹ По данным на 1985 г. в Северо-Восточном Китае проживают 55 малочисленных (неханьских) народностей, общей численностью около 5 млн. чел. (См.: Иллюстрированный сборник о малочисленных народах провинции Хэйлуцзян. Пекин, 1985. С.4). В настоящей работе рассматриваются только те народы, которые давно и наиболее компактно проживают в этом регионе страны.
- ² В институтах Академии общественных наук северо-восточных провинций Китая начато изучение только маньчжуров, монголов, дауров, ороочонов, хэчжэ (нанайцев) и корейцев. Что же касается хуэй (дунган), то они, как и другие тюркоязычные народы, изучаются в северо-западных провинциях КНР.
- ³ Лучше других народов российскими этнографами, языковедами и путешественниками середины XIX — начала XX в. исследованы и описаны в научной литературе только маньчжуры, монголы и сунгарийские нанайцы (хэчжэ).
- ⁴ См.: Гребенщиков А.В. Маньчжурия в ее современном положении // Спутник по Сибири, Маньчжурии, Амуру и Уссурийскому краю И.С. Кларка на 1913 год. С.77—92; Он же. Маньчжуры, их язык и письменность. Владивосток, 1912. 72 с.; Он же. Очерк заселения китайского Приамурья // Вестн. Азии. 1911. №7. С.34—58; Он же. Очерк изучения маньчжурского языка в Китае. Ч. 1. Русский текст; Ч.2. Китайский текст. Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1913. 348 с.; Он же. Основы китайской колонизации Маньчжурии // Труды Российского колониального ин-та. Вып.11. М., 1926. С.95—107.
- ⁵ См.: Кюнер Н.В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. М.: Наука, 1961. 392 с.; Он же. Маньчжуры: Этнографическая монография (рукопись). // Архив Ин-та этнографии в Санкт-Петербурге. 30 авт.л.
- ⁶ См.: Рудаков А.В. Курс географии и этнографии Маньчжурии. Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1900. 168 с.; Он же. Материалы по истории китайской культуры в Гириньской провинции. 1644—1902 гг. Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1903. 574 с.; Он же. Образцы официального маньчжурского языка: Пособие к лекциям по изучению современного политического строя и народного быта Маньчжурии. Владивосток: Изд-во Восточного ин-та, 1908. 56 с.; Он же. Условия экономического быта Гириньской провинции // Изв. Вост. ин-та. 1903. Т.4. С.49—178.
- ⁷ См.: Шмидт П.П. Учебник маньчжурского языка в трех частях. Ч.1. Маньчжурский текст // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1908. Т.18. Вып.1. 23 с.; Ч.2. Китайский текст // Там же. 1907. Владивосток: Виват Академия, 1915. 30 с.
- ⁸ См.: Хиони А.П. Монголо-русско-японский словарь. Токио, 1941 (в соавт. с проф. К.Исидо); Он же. Коммерческое образование в Китае, по китайским источникам // Вестн. Азии. Харбин, 1923. №51. С.241—247; Шкуркин П.В. Город Хулань-Чэн // Изв. Вост. ин-та. Владивосток, 1901. Т.3. Вып.4. С.1—94; Он же. Население Китая // Экон. вест. Маньчжурии. Харбин, 1923. №27. С.14—16; Он же. Справочник по истории Дальнего Востока. Харбин, 1918. 134 с.; Он же. Рассказы из китайского быта: Хунхузы. Харбин, 1924. 138 с.; Он же. Падение Миньской династии и воцарение Цинской // Вестн. Азии. Харбин, 1913. №18. С.1—31; Баранов И.Г. Административное устройство Северной Маньчжурии // Вестн. Маньчжурии. Харбин, 1926. №11—12. С.5—26; Очерк торгового быта в Китае // Экон. вестн. Маньчжурии. Харбин, 1924. №22. С.3—11; Он же. Черты народного быта в Китае. Харбин, 1928. 150 с.; Стариков В.С. Древние обитатели Северной Маньчжурии // Железнодорожник. Харбин, 1942. №66. С.8—13; Он же. Материалы по изучению женшеневого промысла в Восточном районе Северной Маньчжурии // Зап. Харбин. Общества естествоиспытателей и этнографов. Харбин, 1946. №1. С.40—48; Он же. Маньчжурская разновидность дальневосточного плуга // Сб. МАЭ. М.; Л., 1966. Т.22. С.5—10; Он же. Городские поселения маньчжуров и их особенности // Тез. докл. годич. науч. сес. Ин-та этнографии 1969 г. Л., 1969. С.72—74; Он же. Предметы быта и орудия труда маньчжуров в собрании МАЭ: К вопросу о самобытности материальной культуры маньчжуров // Сб. МАЭ. М.; Л., 1969. Т.25. С.74—113; Он же. Сельские поселения маньчжуров и проблема самобытности их материальной культуры // Краткое содержание докл. годич. науч. сес. Ин-та этнографии. Л., 1970. С.98—100.
- ⁹ Издаются монографии по отдельным народам Северо-Восточного Китая, не охватывающие, к сожалению, все стороны их жизни. См.: Цю Пу. Эвенькэ жэнь ды юаньши шэхай синтай (Первобытнообщинный строй у эвенков). Пекин, 1962; Лю Чжунго. Хэчжэ жэнь (Народность хэчжэ). Пекин, 1981; Ли Шулань, Чжун Цянь. Сибо юй цзяньчжи (Язык народности сибо. Крат. очерк). Пекин, 1986.
- ¹⁰ Крюков М.В. Маньчжуры // Народы мира: Ист. этногр. справочник. М.: Сов. Энциклопедия, 1988. С.286.
- ¹¹ В мае 1990 г. китайские коллеги показали мне жилище маньчжура-крестьянина в 30 км от Харбина, за что им признателен.
- ¹² Стариков В.С. Тунгусо-маньчжурские народы // Народы Восточной Азии: Этногр. очерки. М.; Л., 1965. С.678.
- ¹³ Там же. С.682.
- ¹⁴ Там же.
- ¹⁵ См.: Иллюстративный сборник... С.88—91.

- ¹⁶ См.: Широкогоров С.М. Социальная организация маньчжуров. Шанхай, 1934. С.172—173. Кит. яз.
- ¹⁷ Стариков В.С. Тунгусо-маньчжурские народы. С.683.
- ¹⁸ В 1978 г. оценочная численность монголов Китая составляла 2 млн. 820 тыс. чел. (Брук С.И. Население мира: Этнодемографический справочник. М.; 1981. С.459). Численность монголов 3 млн. 200 тыс. чел... в 1994 г. определена методом экстраполяции по докладу американского этнолога Майкла Краусса для специального комитета ЮНЕСКО от 25 янв. 1994 г.
- ¹⁹ Жуковская Н.Л. Монголы // Народы мира: Ист.-этногр. справочник. М.: Сов. Энциклопедия, 1988. С.309.
- ²⁰ Вяткина К.В., Стариков В.С., Чебоксаров Н.Н. Жилища народов монголоязычной группы // Типы традиционного сельского жилища народов Юго-Восточной, Восточной и Центральной Азии. М., 1979. С.190.
- ²¹ Там же.
- ²² Форман В., Ринчен Б. Ламаистские маски для танцев. Лейпциг, 1967. С.68—93. Нем. Яз.
- ²³ См.: Жуковская Н.Л. Монголы: Новогодние празднества // Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии: Новый год. М., 1985. С.179—187.
- ²⁴ Агэван. Национальный орнамент Внутренней Монголии. Хухэ-Хото, 1963. 7 с., 62 цветн. Табл. Орнамента. Кит. яз.
- ²⁵ Журавлева М.Г., Стариков В.С. Дахуры // Народы Восточной Азии. М., Л., 1965. С.666.
- ²⁶ Иллюстрированный сборник... С.80—81.
- ²⁷ Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай: Физ.-геогр. описание. М.:Изд-во АН СССР, 1955. С.12.
- ²⁸ См.: Глушаков П.И. Маньчжурия: Экон.-геогр. описание. М., 1948. С.74; Иллюстрированный сборник. С.122—123.
- ²⁹ Стариков В.С. Ороконы // Народы Восточной Азии. С.687—688.
- ³⁰ Там же. С.689.
- ³¹ Иллюстрированный сборник... С.124—128.
- ³² См.: Кочешков Н.В. Нравы, обычаи, традиции народов Восточной Азии. Владивосток, 1997. С.44.
- ³³ Стариков В.С. Ороконы. С.689.
- ³⁴ Иллюстрированный сборник... С.128—132.
- ³⁵ См.: Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай. С.12; Ученые КНР называют солонов этнонимом «кэркэ». (См.: Иллюстрированный сборник. С.84—85).
- ³⁶ Василевич Г.М. Эвенки: Ист.-этногр. очерки (XVIII — начало XX в.). Л., 1969. С.286.
- ³⁷ Исследование истории и культуры солонов, несомненно, должно способствовать выявлению этногенеза и этнической истории как тунгусов (эвенков), так и монголоязычных народов КНР и Монголии.
- ³⁸ Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай. С.12; По данным на 1994 г. всего в Северо-Восточном Китае проживают около 4 тыс. хэчжэ // Перекрестки континентов: культуры коренных народов Дальнего Востока и Аляски. М., 1996. С.108.
- ³⁹ Стариков В.С. Чэчжэ // Народы Восточной Азии. С.684—685.
- ⁴⁰ Там же. С.685.
- ⁴¹ Лю Чжунго. Хэчжэ жэнь (Народность хэчжэ). Пекин, 1981. С.15—18.
- ⁴² Иллюстрированный сборник... С.39—44.
- ⁴³ Стариков В.С. Хэчжэ. С.686.
- ⁴⁴ Джарылгасинова Р.Ш. Корейцы // Народы Восточной Азии. С.692.
- ⁴⁵ Там же. С.694.
- ⁴⁶ Ли Э.К. Корейцы. Сеул, 1989. С.55—56.
- ⁴⁷ Ионова Ю.В. Обряды, обычаи и их социальные функции в Корее середины XIX — начала XX в. М., 1982.
- ⁴⁸ Ионова Ю.В., Джарылгасинова Р.Ш. Корейцы // Народы Восточной Азии. С.826—827.
- ⁴⁹ Мурзаев Э.М. Северо-Восточный Китай. С.12; Брук С.И. Население мира. С.467.
- ⁵⁰ Головачева Л.И., Векилова Н.П. Административное деление, население и национальный состав // Северо-Восточный Китай в 80-е годы XX в.: Справочник. Владивосток, 1989. С.21.

SUMMARY. Doctor of Historical Sciences Nikolay Kocheshkov in his historic-ethnographical essays «Non-Han Peoples of the North Eastern China» managed to give the reader some notions about the main non-Han peoples of Heilongjiang Province: the Manchus, Mongols, Daur, Evenks-Orochons, Tungus-Solons and Hechahe-Nanay.

Professor Nikolay Kocheshkov had occasion to be in Harbin to work in the Museum of Nationalities of the Province, to associate with Chinese colleagues and it also helped the author in his work with the presented historic-ethnographic essay.